

Когда паланкин тронулся, Ванъэр вместе со всеми опустилась на колени у края дороги. Она думала, что уже всё обдумала и совсем не боится предстать перед императрицей У, но, едва коснувшись лбом земли, её тело словно обрело собственный разум и само прижалось как можно ниже. Паланкин быстро пронёсся мимо, и, едва тень скользнула с головы, Ванъэр осторожно приподнялась, желая вытянуть шею и взглянуть на императорскую процессию. Однако вместо этого она увидела, как паланкин развернулся, вернулся назад с десятков шагов и остановился прямо перед ней.

Та самая высокочтимая, величественная императрица Тяньхоу, облачённая в слегка поношенные одежды, с высоты паланкина смотрела на неё, и в голосе её, когда она заговорила, не было ни гнева, ни милости: «Ты та самая, кого рекомендовали из Внутренней школы?»

Сердце Ванъэр невесть почему забилося сильнее. Она припала к земле и тихо ответила: «Ваша слуга была вызвана сразу после урока и знает лишь, что Ваше Величество желает испытать её познания. О прочем ничего не ведает.»

Императрица У, казалось, улыбнулась, а может, лишь слегка дрогнул уголок её губ. Перебирая в пальцах чётки, она промолвила: «Как тебя зовут?»

Ванъэр на мгновение замешкалась, прежде чем ответить: «Вашу слугу зовут... Ванъэр.»

Императрица склонила голову набок и мягко повторила: «Ванъэр?» Голос её, в отличие от прежнего звучного и ясного, звучал на удивление нежно, отчего сердце Ванъэр ёкнуло. Она, трепеща, чуть подалась вперёд: «Так точно.» Императрица вдруг улыбнулась, глядя на неё: «Имя хорошее. А фамилия?»

Рука Ванъэр слегка дрогнула, сердце бешено застучало, а затем словно замерло. Сжав губы, она прошептала: «Чжэн. Ничтожное имя — Чжэн Ванъэр.»

Императрица медленно, по слогам, повторила её имя, и в голосе её внезапно прозвучала лёгкая, радостная усмешка: «Клан Чжэн из Синъяна, знатный шаньдунский род. Неплохо.»

Ванъэр почувствовала, что дыхание её участилось. Она заставила себя успокоиться и, не поднимая головы, ровно сказала: «Ничтожная служанка — преступница, сосланная во дворец, не из тех знатных Чжэн.»

Императрица усмехнулась и небрежно бросила: «Знатный род, незнатный род — в конце концов, всё это лишь пустые имена. Отныне я буду звать тебя Ванъэр. Гао Яньфу, с сегодняшнего дня пусть служит в чертоге Цзычэнь.» Сказав это, она махнула рукой, паланкин медленно развернулся и двинулся вперёд.

Ванъэр, с детства впитавшая семейные устои, привыкла, что всё в мире вращается вокруг родословных и преемственности поколений, и впервые услышала, что «фамилия — пустое имя». Она застыла в оцепенении и, даже когда паланкин уже удалился, всё ещё сидела на коленях, широко раскрыв глаза и бессмысленно глядя вперёд. Лишь когда Гао Яньфу толкнул её локтем и рывкнул: «Чешь уставилась? Не отставай!» — она очнулась.

Ванъэр растерянно пробормотала: «Но ведь испытание ещё не...»

Гао Яньфу фыркнул: «Раз Её Величество сказала, чтобы ты шла в чертог Цзычэнь, значит, иди в чертог Цзычэнь. Чего ещё болтать?»

Делать нечего, Ваньэр лишь засемила следом, с трудом поспевая за императорской свитой. Носильщики паланкина были крепкими и сильными, и, несмотря на тяжесть ноши, двигались быстрее обычного шага. Ваньэр же с детства училась у матери изящным манерам, каждый жест её был отточен и прекрасен, но быстротой не отличался, поэтому ей пришлось изрядно попотеть, чтобы не отстать в самом хвосте процессии. Замыкавшая шествие служанка бросила на неё взгляд и усмехнулась: «Никогда раньше не служила во дворцовых палатах?»

Ваньэр уже начинала запыхаться и не хотела сбивать дыхание, отвечая, поэтому лишь слегка кивнула. Та улыбнулась: «Наша госпожа любит движение. С твоей-то статью лучше поскорее взяться за воинские упражнения.»

В то время Ваньэр решила, что речь идёт лишь о придворном этикете и следовании в свите. Она думала, что императрица, хоть в юности и славилась умением держаться в седле и стрелять из лука, теперь, в летах и на таком высоком месте, вряд ли станет, как прежде, пренебрегать достоинством и состязаться со служанками. Ну а что касается обычных дворцовых перемещений, пусть даже частых, — разве в них могла быть какая-то трудность? Даже выезды за пределы дворца — внутренние церемонии ведь не то что внешние придворные. О каких таких «воинских упражнениях» могла идти речь? В душе она не придавала этим словам значения и впоследствии, когда товарки несколько раз звали её учиться верховой езде и стрельбе, всякий раз отнекивалась. Она и не подозревала, что эта императрица, осмелившаяся как супруга правителя управлять страной из-за занавеса, открыто поставившая себя наравне с императором как «Два совершенномудрых» и сотворившая невиданное доселе, — что все те правила и законы, которые знала Ваньэр, для неё попросту не существовали. Лишь спустя долгое время службы, когда Ваньэр постепенно проникла в нрав и характер своей госпожи, она вспомнила те слова и пожалела, что не вняла им тогда.

У меня дрожали руки. С тех пор как я узнала, что матушка — та самая императрица Цзэтянь, я, слушая её речи и наблюдая за поступками, невольно стала вдумываться глубже и постепенно заметила множество деталей, на которые раньше не обращала внимания. Конечно, я и прежде понимала, что для восшествия на трон императрицы матушке потребовалось не одно лишь благоволение отца или её снисходительная доброта к слугам. Но знать и понимать — вещи разные. Например, когда дело касалось наложниц, пытавшихся соблазнить священную особу императора и умалить благосклонность к матери, матушка могла выдать их замуж за военных чиновников, могла подмешать к толпе служанок и выпустить из дворца, могла заточить в холодных покоях, лишив солнечного света навеки, а могла и вовсе истребить под корень, раз и навсегда. Раньше я думала, что матушка ограничивалась, в крайнем случае, первыми двумя способами, но последние наблюдения указывали на самый жестокий выбор... или, вернее, самый надёжный. Матушка славилась своей широтой души, и дворцовые служанки, и чиновники часто осмеливались высказывать своё мнение. Однако при всём её милосердии и снисходительности, слуги в моих покоях творили, что хотели, обманывая вышестоящих и не признавая законов, тогда как в чертоге Цзычэнь царили порядок и строгость: снаружи не просачивалось ни слова, внутри не было и тени фамильярности. Случались, конечно, промахи, но ещё до того, как матушка успевала раскритиковать, сами провинившиеся уже трепетали, будто их постигло великое бедствие. Будь матушка вправду так снисходительна, как выглядела, они бы отнюдь не боялись до такой степени. Разумеется, лишь такая матушка и могла, будучи женщиной, взойти на высший престол, лишь она и была достойна имени Цзэтянь. Я и этим гордилась. Но, как часто в мире рассуждают о сильном государстве и слабом народе, могучая мать для меня тоже не всегда была благом. Каждое моё движение находилось под её неусыпным вниманием. В детстве она контролировала лишь пищу, одежду и повседневные привычки, и даже если я вела себя не совсем подобающе, это можно было списать на детскую непосредственность. Теперь же, с годами, отговорки не работали, да

и круг общения расширился, а контроль матери становился всё тоньше и обширнее. Она сама была одарена небесным талантом, умна и проницательна, и, судя других по себе, была чрезмерно придирчива. А уж к нам, своим детям, предъявляла требования ещё строже, жаждающая, чтобы мы во всём, всегда и везде были безупречны. Малейшее непослушание вызывало её гнев, она менялась в лице, и наказания следовали по её воле. Мы были её плотью и кровью, поэтому, конечно, не доходило до забивания палками насмерть, но те, кто нас окружал, частенько страдали заодно с нами.

Как, например, сегодня — Вэй Хуань. То, что она совершила, с худой стороны можно назвать обманом высочайшей особы, коварством и хитростью, за что и смертной казни через палки мало. С хорошей же стороны — это преданность и служение интересам госпожи, и, попадись матери в добром расположении духа, могла бы даже получить награду. Но матушка гневалась на то, что мной помыкают подчинённые, и потому склонялась к худшему толкованию: тут и злой умысел, и сплетни, и интриги... В конечном счёте, корень проблемы был во мне, и спасти Вэй Хуань можно было, лишь начав с себя. Стоило матери понять, что я не бестолковая дура, которой легко вертят, — и с Вэй Хуань, скорее всего, было бы покончено. Уяснив это, я левой рукой прижала правую, сложила руки перед собой и торжественно склонилась перед матушкой в глубоком поклоне. Матушка усмехнулась: «Что, дошло до этого, а ты всё ещё за кого-то просишь?»

Руки мои на самом деле всё ещё дрожали, и я лишь сжала их покрепче, делая вид, что спокойна: «Я не за кого-то прошу. Я пришла повиниться перед матушкой.»

Матушка приподняла бровь: «Интриговала-то она, почему же виновата ты?»

Я ответила: «Матушка-государыня — величественная императрица Тяньхоу, помыслы её устремлены к великим делам государства. Вэй Хуань и А-Ян — всего лишь служанки, разве стóят они того, чтобы матушка из-за них гневалась? Гнев её вызван, должно быть, не ими, а мною. Я довела матушку до такого раздражения, в этом моя непочтительность, потому и пришла первой повиниться.»

Матушка равнодушно промолвила: «Говори.»

В её голосе не было ни гнева, ни одобрения, и на душе у меня стало тревожно, но внешне я сохраняла ещё большее достоинство, склонившись: «А-Ян — моя кормилица, а я не смогла её обуздать, позволила своевольничать и нарушать законы. В этом первая моя вина. Сун Фою — моя наставница, мудрая и разумная, а я не приблизила добродетель и не удалила коварство, но, напротив, отдалилась от неё. В этом вторая моя вина.»

Матушка усмехнулась, но не сказала ни слова.

<http://bllate.org/book/16278/1466185>